

МАТЕРИАЛЫ К IV СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ФОРУМУ

УДК 159

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «СХИЗИС» И КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ

А.В. Юревич (Москва)

Аннотация. Рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии, «схизис» между которыми традиционно удручает психологов. Автор показывает, что их расхождения сохраняются, несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о «схизисе» во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки.

Ключевые слова: исследовательская, академическая и практическая психология; «схизис»; социальная релевантность; социальные функции; фундаментальная и прикладная наука; технологии.

Расхождения и сближение

Прошло более 15 лет с тех пор, как один из наиболее известных представителей исследовательской и практической отечественной психологии Ф.Е. Василюк охарактеризовал взаимоотношения между ними как «схизис» [3], подчеркнув, что «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [4. С. 26]. Ранее Р. Ван дер Влейст сетовал на то, что исследовательская и практическая психология используют разные «языки», «единицы» анализа и «логики» его построения [46]. А еще раньше озабоченность взаимоотношениями исследовательской и практической психологии выражали Л.С. Выготский [7] и другие классики психологической науки, причем под каж-

дым их словом наверняка подписался бы любой современный психолог, и не потому что они – классики, а потому что с тех пор, вроде бы, ничто не изменилось.

В конце истекшего столетия регулярно констатировались не только сохранение, но и возрастание разрыва, причем, по мнению ряда авторов, оно было связано с тем, что психологическая практика активно впитывала методологию и культуру постмодернизма, в то время как академическая психология не освободилась от влияния позитивизма. Например, Д. Полкинхорн выделял такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, неопрагматизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависимого от контекста. Он подчеркивал, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, правда, признав, что «близкие к практике» психологи-исследователи тоже преуспевают в ее освоении и распространении, и констатировав появление в психологическом сообществе нового «слоя», служащего связующим звеном между двумя его полярностями – «чистыми» практиками и «чистыми» исследователями [38]. Л. Сасс уловил в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымышленность, акцентировав их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии¹ [40]. А К. Герген отметил, что, в отличие от академической психологии, современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате, по его мнению, теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте психолога [32].

На взаимоотношения исследовательской и практической психологии сказывается изменение количественных пропорций между ними. Так, М. Розенцвейг констатирует, что интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 50-х гг. прошлого века, является стремительный прогресс практической психологии на фоне замедления в развитии традиционных, академических областей исследования. Розенцвейг показывает интернациональный характер этой тенденции, проследив ее в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. [39].

¹ При этом Л. Сасс полагал, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред терапевтической практике [40].

При этом в индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как «плато», в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте [Ibid.]. А В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение: подобная тенденция может привести к тому, что мы будем иметь «психологию без науки» [41. С. 476].

Быстрое возрастание количества психологов-практиков на фоне стабилизации численности академических психологов² обостряет и без того непростые отношения между ними, а в некоторых странах приводит к расколу психологических ассоциаций [39]. На подобные проблемы накладываются сложности, обусловленные спецификой практической психологии в разных странах. Например, в нашей стране психологическая практика страдает неупорядоченностью, отсутствием лицензирования и сертифицирования, переполнена сомнительными личностями, не имеющими психологического образования, и т.п. В.Б. Хозиев отмечает, что, в отличие от академической психологии, «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» [21. С. 190]. «Теневой» характер этой ниши дополняется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний «консультативных случаев» в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» [Там же. С. 190].

В то же время при всех расхождениях между академической и практической психологией можно разглядеть и некоторые тенденции к их сближению. К примеру, признание значимости «единичных случаев» и изучение уникальных жизненных ситуаций, в котором обычно видится одна из главных особенностей практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде установок последней. Скажем, Л.С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» [7. С. 405], при этом констатировав, что «засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии» [Там же. С. 402]. А в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (case studies) и сопутствующий его применению качественный анализ получают все большее распространение³.

---

² Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук. Как отмечает Б.И. Пружинин, в течение всего XX столетия удельный вес прикладного исследования нарастал, а доля чистой науки сокращалась [17]. Но особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время.

³ То же самое происходит в социологии и других смежных с психологией науках.

Можно разглядеть и встречный вектор – погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениями самих сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование – в контексте их изучения – опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями [42]. В качестве формы сближения исследовательской и практической психологии можно трактовать и тот очень характерный для современной России факт, что многие психологи, занимающиеся психологической практикой в различных организациях, «без отрыва от производства» пишут диссертации, которые оформляются в соответствии с канонами академической психологии, а необходимый для этого материал набирают в процессе своей практической деятельности. В результате традиционное разделение *исследовательской* и *практической* психологии во многом утрачивает смысл, поскольку практическая психология тоже имеет исследовательскую составляющую, что, впрочем, не означает, что стираются ее базовые отличия от академической психологии как не просто исследовательской, а *фундаментальной* науки.

Наметились и другие направления сближения. Например, *теории*, ставшие одним из символов академической психологии и традиционно отвергаемые практической психологией как чрезмерно «академические», сейчас тоже адаптируются к потребностям практики. В частности, на психологических конференциях, в особенности на «научно-практических», которые сами по себе стали знаковым явлением, знаменуя стремление объединить психологическую науку и практику, «большие» психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно эксплуатируются «малые» теории и теории «среднего ранга», позволяющие упорядочить ту или иную сферу реальности. Нередко подобные теории и рождаются в процессе практической деятельности психологов⁴, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить ее. В качестве «академической» формы деятельности практических психологов можно рассматривать и осуществляемый ими *методологический анализ* психологической практики, явившийся естественной реакцией на ее разрастание и усложнение [5, 10 и др.].

Таким образом, исследовательская психология постепенно осваивает направления работы, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология – характерные для исследовательской, что неизбежно порождает их когнитивное сближение. Однако, пожалуй, еще более заметно «наведение мостов» между ними в со-

---

⁴ Т.В. Корнилова называет их «особыми практико-ориентированными теориями» [12].

циальной плоскости, т.е. сближение соответствующих страт психологического сообщества.

Во-первых, в этом сообществе всегда существовали его представители, подобные цитируемому выше Ф.Е. Василюку, которые сочетали успешные занятия академической и практической психологией, при этом, если вновь обратиться к его цитате, зная фамилии и директоров академических институтов (которых, кстати, совсем немного), и «звезд» психологической практики, к числу которых сами и принадлежали. Так что социальный «схизис» между двумя видами психологии всегда носил относительный характер.

Во-вторых, в начале 1990-х гг., когда на зарплаты академических психологов нельзя было прожить (в дальнейшем ситуация улучшилась, но не принципиально), начался их массовый отток в практику, а еще более характерной стала их двойная занятость, сочетание хорошо вознаграждаемых занятий практикой с принадлежностью к академическим и образовательным учреждениям. В результате и в нашей стране разрастался тот слой «близких к практике» исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн [38], а также, наоборот, «близких к исследованиям» практиков.

В то же время если не «схизис», то, употребляя другой термин Ф.Е. Василюка, «диссоциация» между исследовательской и практической психологией по-прежнему сохраняется. Сообщества психологов-исследователей и психологов-практиков хотя во многом и пересекаются, в своей основной части достаточно далеки друг от друга. Главное же – практическая психология по-прежнему опирается преимущественно не на то знание, которое генерирует исследовательская психология, использует иной терминологический аппарат, свои объяснительные принципы и т.п. То есть разобщенность «двух психологий» сохраняется как в когнитивном, относящемся к психологическому знанию, так и в социальном, выражающем состояние психологических сообществ, ракурсах, и пока трудно уловить какие-либо тенденции к радикальному изменению ситуации. При этом наблюдаются рассогласования между ними и в образовательной сфере. Например, выпускники психологических вузов вынуждены, в силу существующих образовательных стандартов, писать дипломы, представляющие собой мини-диссертации, построенные в соответствии с классическими стандартами академической науки (обзор исследований проблемы, гипотезы, эмпирическое исследование, статистический анализ полученных данных и т.п.) и тестирующие их способность заниматься академической наукой, в то время как подавляющая их часть идет в практику и заниматься наукой никогда не будет. А многие из них, получив классическое психологическое образование, затем направляются получать второе образование в учреждения, «доучивающие» их практической психологии.

Подобная ситуация вызывает неудовлетворенность обеих сторон, причем наиболее заметно ее проявляют представители практической

психологии, систематически обвиняющие психологов-исследователей в том, что вырабатываемое ими знание в основном носит «бумажный» характер (научные статьи, книги, диссертации) и мало полезно или вообще бесполезно для практики. Против этого трудно возразить, поскольку, скажем, главный продукт эмпирических исследований в психологии – коэффициент корреляций между изучаемыми переменными – действительно очень далек от того, что востребовано практическими психологами.

Х. Куликан, например, задается вопросом: «Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?» [29. С. 170]. Данное обстоятельство отмечается также Р. Харре [33] и многими другими авторами. М. Бунге констатирует: «Предельная точность, являющаяся целью научного исследования, в большинстве случаев оказывается бессмысленной или даже мешает при практической деятельности» [28. С. 335].

Принцип «воплощения»

В то же время уместен вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения между практической и академической психологией в *идеале*, который, как и всякий идеал, в реальности недостижим, но может задавать полезные ориентиры. При этом целесообразно сразу же вынести за скобки вопрос о том, кто – «гора», а кто – «Магомед», и в каком направлении должно строиться взаимодействие между исследовательской и практической психологией: должны ли психологи-практики читать академические журналы, посещать академические конференции, чего они в своем большинстве не делают, впитывать в практику то знание, которое вырабатывает исследовательская психология, или, наоборот, психологи-исследователи должны быть более чувствительны к запросам психологической практики и производить знание в соответствии с ними. Во втором случае уместно вспомнить Г.П. Щедровицкого, который еще в начале 1980-х гг. писал: «Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы» [23. С. 140].

Наверное, у каждого психолога, озабоченного проблемой взаимоотношения «двух психологий», имеются и свои представления об идеальной модели. При всем разнообразии этих представлений они,

как и многое в психологии, формируются на основе видения психологами ситуации в «благополучных» – естественных – науках. Например, представления о том, что физики вырабатывают некоторое знание, с помощью которого изобретаются автомобили, самолеты, телевизоры и холодильники, биологи открывают законы, на основе которых медики лечат своих пациентов, открытия химиков ложатся в основу пластмасс и других полимеров и т.п. Но так ли это в действительности, не подменяется ли реальная картина происходящего в естественных науках упрощенными бытовыми представлениями?

Известный социолог науки М. Малки пишет: «...если мы обратимся к релевантным эмпирическим данным, то обнаружим мало указаний на существование явной или тесной связи между фундаментальными научными исследованиями и большей частью технологических разработок» [14. С. 99]; он считает проблематичной упрощенную точку зрения, согласно которой «передовая технология индустриальных обществ является непосредственным продуктом растущего корпуса фундаментального научного знания» [Там же. С. 102]. Это выражается, в частности, в минимальном количестве перекрестных ссылок и различии паттернов внутреннего цитирования в научной и технологической литературе: «Насколько можно судить по результатам анализа цитирования, наука обращается к предшествующей науке, а технология – к предшествующей технологии» [Там же. С. 100].

Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х гг. под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что *во всех* рассмотренных случаях инновации не были следствием достижений фундаментальной науки, а непосредственно «вытекали» из предшествующей технологической деятельности [36]. Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии: «Мы обращали особое внимание на связь фундаментальной науки с инновацией... То, что нам удалось обнаружить лишь незначительное количество случаев такой связи, тем более удивительно, что мы специально ее искали» [34. С. 12]. Е. Лейтон, обобщивший подобные исследования, пришел к выводу, что «прежняя точка зрения, согласно которой фундаментальная наука производит все знание, затем используемое в технологических разработках, явно не способствует пониманию современной технологии» [35. С. 210].

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что взаимодействие фундаментальной науки с практикой строится в соответствии с так называемым принципом «воплощения»: новое научное знание «воплощается» в определенной процедуре или некотором устройстве вро-

де транзистора, которое в дальнейшем используется при производстве новой техники, а ее последующие поколения вырастают не из исходного научного знания, а из внутренней логики развития техники [14]. То есть из науки в практику переносится некоторая фундаментальная идея, которая обретает там свою новую жизнь и развивается в соответствии с запросами самой практики.

Много аналогий подобной ситуации можно обнаружить и в психологии: «Всякий раз как фундаментальная наука используется в качестве основания для технологической науки, она требует значительного переформулирования» [Там же. С. 102]. Так что «расхождение языков» академической и практической психологии тоже представляет собой вполне естественное и не специфическое для этой науки явление.

М. Малки идет еще дальше, на ряде примеров показывая, что связь современной технологии не только с фундаментальной, но даже с *прикладной* наукой, а стало быть, и с наукой вообще, отнюдь непростая. Он пишет: «...даже если мы на время оставим в стороне фундаментальную науку и сосредоточимся на вкладе в технологию прикладной науки, все же представляется сомнительным, что большая часть современной технологии вытекает более или менее непосредственным образом из научного знания» [Там же. С. 103]. То есть если бы «схизиса», который так удручает психологов, скажем, сообщества физиков-фундаментальщиков с сообществами конструкторов самолетов, автомобилей, компьютеров, не существовало, если бы «фундаментальщики» попутно усовершенствовали все это, а техники параллельно занимались фундаментальной наукой, это выглядело бы очень странно и не пошло на пользу тем и другим. Подобное часто случалось во времена Архимеда или формирования науки Нового времени, но сейчас если и происходит, то в виде исключений из общего правила, диктуемого элементарным *разделением труда*.

На описанную ситуацию, демонстрирующую неадекватность ожиданий в отношении фундаментальной науки, накладывается их особый характер в нашей стране. «У нас вечно путают чистую науку с прикладной» (цит. по: [17. С. 113]), – писал П.Л. Капица в те годы, когда в нашей стране науку еще чттили и уважали. В частности, академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика – чинить телевизоры и холодильники. Подобные неадекватные ожидания предъявляются и к представителям других социогуманитарных наук, в связи с чем социолог М. Задорин подчеркивает: «Строго говоря, настоящий служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике» [9. С. 69].

Еще одно обстоятельство, связанное с подобным кругом проблем и тоже опровергающее распространенный в психологическом

сообществе стереотип, состоит в том, что практика вовсе не обязательно является критерием истины, а *практическая эффективность представлений, генерируемых практическими психологами, не служит подтверждением их адекватности*. М. Малки отмечает: «При рассмотрении тех практических применений, которые действительно вытекают из научных исследований, важно помнить о том, что большая часть (если не все) систем знания дала успешные практические применения – даже такие системы, как вавилонская мифологическая астрономия, общие принципы которой мы теперь считаем явно ложными» [14. С. 103].

Здесь уместно провести аналогию с психоанализом. «Явно ложной» эту систему взглядов в психологии не считают, но нередко характеризуют как набор «психотерапевтических мифов» [16] и подчеркивают: «Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор» [1. С. 191]. Вместе с тем психологическая концепция, имеющая в практической психологии наиболее широкое применение, это, несомненно, психоанализ, а эффективность основанной на нем психологической практики есть свидетельство его адекватности *в качестве теории*. Рассматривая подобные случаи, М. Бунге приходит к симптоматичному выводу: «...теории, являются ли они научными или технологическими, сущностными или операционными, проверяются в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке» [28. С. 336]. Это звучит и как антитеза кондовому марксизму: практика *не* является критерием истины. Отсюда же можно вывести и ответ на броский тезис Ф.Е. Василюка о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики», в свою очередь сформулированный как антитеза догмату советских времен: «нет ничего практичнее хорошей теории». С этим можно согласиться, да и то с оговорками (думается, что хорошая теория все же «теоретичнее» хорошей практики), только в том случае, если онтологическая достоверность теорий не особенно важна.

Социальная релевантность психологии

Уместен и еще один вопрос: а что вообще представляет собой практика применительно к психологической науке, какова область практических приложений этой дисциплины? Естественно, проще всего на него ответить, указав, что это и есть практическая психология в ее нынешнем виде; то, чем она занимается, охватывает *всю* область практического применения психологии. Но так ли это?

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия – участие в социальном конструировании порядка и контроля; 2) осмысление, прояснение и объяснение происходящего в обществе; 3) политическая мобилизация – созда-

ние основы для политических действий масс [25]. Отметим, что подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от их типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно *когнитивных, а не социальных функций*: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т.д.⁵ Но можно ли утверждать, что, например, психоанализ – не только как практика, но и как *теория*, который иногда характеризуется как «новая религия современного западного общества» [2], и теперь уже не только западного, выполнял и выполняет только когнитивные функции? Подчеркнем и то, что, во-первых, представления Б. Адама и Ю. Ван Луна о социальных функциях научных теорий могут быть как расширены, так и скорректированы в отношении психологии⁶, во-вторых, распространены не только на теории, но и на другие виды знания.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть *социально релевантной* наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо больше, нежели активную вовлеченность в практику [37]. Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении важнейших *социальных проблем*, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение ею *мировоззренческой функции* – выработку и трансляцию в массовое сознание образа общества и происходящего в нем [Idid.]. При этом, несмотря на то, что, по словам Г. Башляра, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все» (цит. по: [6. С. 42]), Московичи характеризовал уровень социальной релевантности психологии как довольно низкий.

Показательны и другие подобные идеи известных ученых. А. Бандура подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в «изменении функционирования социальной системы» [26. Р. 323]. Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед ней Б.Ф. Скиннер, такие, например, как реформа пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии [43]. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», – писал А. Маслоу (цит. по: [22. С. 521]). Один из классиков отечественной методологической мысли – Г.П. Щедровицкий – говорил, что «психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном поворо-

⁵ В то же время существуют и исключения из этого правила. Например, А. Бандура писал: «О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения» [27. С. 4].

⁶ В частности, третья функция более характерна для политически релевантных теорий, но на ее месте в контексте психологии возникают другие, не менее существенные.

те, ракурсе» [23. С. 141]⁷. Ф. Риф подчеркивал, что к середине XX в. доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического [20]. М. Розенцвейг в 90-е гг. прошлого века констатировал: «Сейчас психологическая наука – это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся» [39. С. 82]. И не случайно с 1980 по 1991 г. количество психологов в мире удвоилось главным образом за счет психологов-практиков [Ibid.].

Приведенные высказывания не следует воспринимать как «романтические призывы», имеющие отдаленное отношение к реальной жизни. Они отражают тот очевидный, но иногда забываемый факт, что главная задача любой социогуманитарной науки – *сделать человека и общество лучше*, и это – отнюдь не романтическая, а вполне практическая цель, которая придает главный социальный смысл и академической, и практической психологии.

Как с этих позиций выглядит отечественная практическая психология? С большим огрублением ее можно разделить на две части: 1) ориентированную на интересы конкретных клиентов и 2) удовлетворяющую потребности общества в целом. Конечно, можно задать вопрос, кто решает, в чем состоят интересы общества; при этом следует указать, что интересы клиента и интересы общества часто совпадают. И действительно, психологи, работающие в таких структурах, как МЧС, оказывая помощь жертвам катастроф и терактов, не только помогают конкретным людям (хотя в данном случае такие люди – не «клиенты» в традиционном смысле слова), но и решают важнейшие *общесоциальные задачи*. Однако большая часть коммерческой психологии обслуживает конкретных клиентов с презумпцией о приоритете их интересов и в отсутствие заботы о том, как эти интересы соотносятся с интересами общества. Иногда отчетливо проявляется и конфликт интересов, например, в случае психологов, обслуживающих политиков. В.Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли, что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле – людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» [19. С. 42]. Скорее всего, ведают, но руководствуются характерной для нашего бизнеса формулой: клиент всегда прав.

«Клиент» же академической психологии – это общество в целом, а немалое количество академических психологов, работающих «на себя», принципиально не изменяет ситуацию: наука в любом обществе выполняет социальный заказ, транслируемый в исследовательскую практику через соответствующую сеть институтов. Так что психологи-

---

⁷ Р. Коллигвуд выразил похожую мысль менее лестным для психологии образом, определив ее как «модное наукообразное мошенничество эпохи» [11. С. 376], вместе с тем подчеркнув, что «она и есть то знание, которого ищет мир» [Там же. С. 376].

ческая практика в масштабах академической науки соразмерна глобальным психологическим проблемам нашего общества, которыми практическая психология не занимается, что порождает неизбежное расхождение адресатов «двух психологий».

В таблице перечислены некоторые показатели состояния современного российского общества, свидетельствующие о том, что это – тяжело больное общество, а его социальные болезни имеют непосредственное отношение к психологии. Естественно, и практические психологи должны вносить и вносят свой вклад в его «излечение». Но все ли перечисленные в таблице проблемы могут быть если не решены, то хотя бы смягчены ими?

Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2009 г.

Показатель	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100 000 жителей	15,1	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100 000 жителей	26,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 000 жителей	15	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 жителей	14,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	68,67	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Естественный прирост населения на 1 000 жителей	-1,8	9-е место с конца в Европе
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100 000 жителей	80,8	3-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии и Латвии
Количество разводов на 1 000 жителей	4,9	1-е место в Европе
Число аборт на 1 000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	34,2	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке, %	26,1	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место в Европе
Индекс коррупции 2010 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,1	154-я позиция в мире (наряду с Кенией, Лаосом, Таджикистаном и Камбоджей) из 178 возможных

Примечание. Источники: [8, 18, 30, 31, 44, 45].

Например, огромное ежегодное количество жертв ДТП превышает наши потери в Афганской войне (для сравнения: в Швейцарии в 2010 г. в ДТП погибло 8 чел). Общеизвестно, что основными причинами являются не столько плохие дороги и автомобили, сколько психологические особенности наших автомобилистов: их повышенная аг-

рессивность, пониженное чувство социальной ответственности, привычка пить за рулем и т.п. Чтобы улучшить ситуацию, необходимо, в частности, изменить *практику* выдачи водительских удостоверений, их лишения, других форм наказания нерадивых водителей, оценки их психологической адекватности и т.д. То же самое относится к существующим у нас правилам выдачи лицензий на оружие и к другим *социальным практикам*, оптимизация которых является одной из главных задач психологии [24]. Но подобную задачу вряд ли можно отнести к области собственно практической психологии, поскольку ее решение предполагает анализ ситуации в *обществе* и определение путей ее улучшения, а не работу с теми «клиентами» – индивидуальными или коллективными, с которыми имеют дело психологи-практики. Можно назвать очень много таких общесоциальных задач – от разработки стратегий повышения рождаемости до мониторинга законов, которые являются не просто формальными юридическими императивами, а наиболее общими правилами социальной жизни, предполагающими активное участие психологов.

Очень важным представляется также участие психологии в решении принципиальных для нашего общества вопросов о том, как следует понимать свободу и в какой мере мы можем себе ее позволить, каким вообще быть этому обществу, какое воздействие на него могут оказать введение прогрессивной шкалы налогообложения, налога на роскошь и т.п. Это – задачи *практические*, но не решаемые средствами самой практической психологии, а требующие вмешательства психологов-исследователей.

Подобный социальный заказ психологии как науке и как практике вынуждает скорректировать традиционное противопоставление исследовательской и практической психологии на обоих «полюсах». То, что вторая не является «чисто» практической, имея и исследовательскую составляющую, было показано выше. Но и первая не является «чисто» исследовательской. Фактически любое *макропсихологическое* (см.: [13]) исследование, относящееся к нашему обществу в целом, увенчивается предложениями о том, как его состояние улучшить, что тоже относимо к психологической практике, но к практике *общесоциальной*.

Используя сложившуюся в политологии и других социогуманитарных науках дифференциацию «малых» и «больших» дел⁸, можно сказать, что в таких случаях психология обращается к «большим» делам. С некоторой долей огрубления можно утверждать: практическая психология преимущественно занимается «малыми» делами – на уровне индивидуальных клиентов и социальных групп, а практическая часть исследовательской психологии – «большими», имея более тесное

---

⁸ Она, естественно, не означает, что «малые» дела менее важны, чем «большие», подразумевая лишь социальный масштаб решаемых проблем.

отношение к глобальному социальному заказу. И здесь можно констатировать не «схизис», а взаимодополнение, *комплементарность* «двух психологий», устранение различий между которыми не пошло бы на пользу и им обоим, и нашему обществу.

Взаимодействие исследовательской и практической психологии осложняется тем, что если академическое психологическое сообщество достаточно упорядочено, сосредоточено преимущественно в НИИ и вузах, организовано в соответствии с существующей там иерархией, то сообщество психологов-практиков настолько анархично, что его вообще трудно считать сообществом.

Во-первых, оно охватывает не только хорошо организованные государственные структуры (Психологическая служба МЧС, Московская служба психологической помощи населению и др.), но и большое количество всевозможных и слабо взаимодействующих между собой центров, институтов, ассоциаций и т.д., в калейдоскопе которых самим практическим психологам трудно разобраться. Причем ведется «статусная война» между такими центрами, проявляющаяся в активном стремлении некоторых из них с помощью пиара и других подобных мер утвердить себя в качестве «главных», «настоящих», «основных» и т.п., а характерная для нашей практической психологии организационная и статусная неразбериха⁹ проявляется и в неуважительном отношении значительной части ее представителей к академической психологии, организованной в соответствии со статусной иерархией.

Во-вторых, на уровне практической психологии в нашей стране, в отличие от других стран, где эта деятельность упорядочена и лицензирована, подвизается множество самопровозглашенных психологов, не имеющих полноценного, а иногда и вообще какого-либо психологического образования и во взаимодействии с академической психологией не вписывающихся по определению.

В-третьих, что еще хуже, под «центры» практической психологии закамуфлированы всевозможные секты, колдуны, астрологи (возникла и новая «наука» – астропсихология как гибрид психологии и астрологии), которым следовало бы «взаимодействовать» с прокуратурой, а не с академической наукой. И.А. Мироненко пишет: «В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околонучных форм знания: поп- и парапсихология, широко и незаслуженно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией» [15. С. 167–168]. Академическая наука для подобной публики – очень неудобный «свидетель» ее шарлатанства, способный вывести на

⁹ Попыткой ее преодоления является введение в центрах практической психологии таких «должностей», а следовательно, и статусных позиций, как «тренер» и т.д., унифицировать которые пока не удается.

чистую воду. В тех же случаях, когда речь идет об организованной части практической психологии, представленной упомянутыми выше психологическими службами, социальных препятствий взаимодействию с академической психологией не возникает.

Следует отметить, что от описанного состояния сообщества наших психологов-практиков страдают не только их взаимодействие с академической психологией, но и сами психологи-практики, а также наше общество в целом. В частности, по результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 г., к профессиональным психологам и психотерапевтам когда-либо обращались лишь 10% наших сограждан (это согласуется и с данными, ранее полученными ФОМ), а к колдунам и иже с ними – 20%. Так что если, как (в духе отвергнутых даже нашими псевдолибералами идеологом начала 1990-х гг.) считают некоторые наши психологи-практики, «все решать должен рынок», решит он, скорее всего, не в их пользу и вообще не в пользу здравого смысла.

Все сказанное, конечно, не должно восприниматься в качестве индульгенции академической психологии как мало дающей психологической практике. Во-первых, она и не должна давать, во-вторых, она слабо взаимодействует с этой практикой из-за ее неудовлетворительного состояния и засоренности инородными элементами. За состояние психологической практики несет ответственность и академическая наука. *Знаниевая база* этой практики создается и ею самой, но все же должна иметь в своей основе то знание, которое вырабатывает фундаментальная наука, в соответствии с описанным выше «принципом воплощения». И поэтому переориентация академической психологии с тех проблем, которые не просто изучаются в лабораториях (в лабораториях изучается большинство проблем фундаментальной науки), но и *порождаются* абстрактной лабораторной логикой, на психологические проблемы, порождаемые реальной жизнью, необходима и для нее самой, и для практической психологии, и для их плодотворного взаимодействия. Собственно, это и означает реализацию – на полюсе академической психологии – тезиса о социальной релевантности этой дисциплины, провозглашенного С. Московичи.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 174–194.
2. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М.: Прогресс, 1961.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
5. *Вачков И.В.* Нужна ли практическому психологу методология? // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.

6. Визгин В.П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 36–51.
7. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
8. Демографический ежегодник России. 2010. М.: Росстат, 2010.
9. Задорин М. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65–74.
10. Карицкий И.Н. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.
11. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980.
12. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 120–129.
13. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
14. Малки М. Знание и полезность: импликации для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия / Под ред. В.Н. Садовниченко. М.: ИСПИ РАН, 2010. С. 91–111.
15. Мироненко И.А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 160–173.
16. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 119–135.
17. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. М., 2008. С. 108–121.
18. Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010.
19. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
20. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
21. Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.
22. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
23. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 133–151.
24. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
25. Adam B., Loon Van J. Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // The risk society and beyond. London, 2000. P. 1–31.
26. Bandura A. Aggression: A social-learning analysis. N.J.: Englewood Cliffs, 1973.
27. Bandura A. Social foundations of thought and action. N.J.: Englewood Cliffs, 1986.
28. Bunge M. Technology as applied science // Technology and Culture. 1967. № 8. P. 329–347.
29. Coolican H. Research methods and statistics in psychology. London, 1998.
30. European Mortality Database. 2011. URL: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>
31. Eurostat Database. 2011. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
32. Gergen K.J. Toward a Postmodern Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. London: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
33. Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative // Human inquiry: A source-book of new paradigm research. Chichester, 1981. P. 20–48.
34. Langrish J. et al. Wealth from Knowledge. London: Macmillan, 1972. P. 12.
35. Layton E. Conditions and Technological Development, in Science, Technology and Society. London: Sage. P. 210.
36. Materials Advisory Board, Report of the Ad Hoc Committee on Principles of Research-Engineering Interaction. Washington: National Academy of Sciences, 1966.

37. *Moscovici S.* Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
38. *Polkinhorne D.E.* Postmodern Epistemology of Practice // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. London: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
39. *Rosenzweig M.R.* What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington, 1992.
40. *Sass L.A.* The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 166–182.
41. *Sexton V.S., Hogan J.* (Eds.) International psychology: Views from around the world (2nd ed.). Lincoln, 1992.
42. *Shotter J.* «Getting in touch»: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 58–73.
43. *Skinner B.F.* Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1978.
44. *TransMONEE* Database. 2010. URL: <http://www.transmonee.org>
45. *Transparency International's Corruption Perceptions Index 2010.* URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#3.
46. *Van der Vleist R.* Social psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. London, 1982. Vol. 1. P. 7–22.

RESEARCH AND PRACTICE PSYCHOLOGY: «SHIZIS» AND COMPLEMENTARY
Yurevich A.V. (Moscow)

Summary. We consider the current level of interaction between research and practice of psychology, «shizis» between which traditionally depresses psychologists. The author shows that their differences persist despite the observed cognitive and social trends towards convergence. However, in his opinion, the existing concepts of «shizis» is largely generated by inappropriate expectations of academic psychology, as well as underestimation of the differences in the social functions of basic and applied science.

Key words: research; academic and practical psychology; «shizis»; social relevance; social functions; fundamental and applied science; technology.